

ДИСКУССИИ*

В. В. Гомоз

АЗЕРБАЙДЖАНИЗАЦИЯ НИЗАМИ

В Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета (Сер. 13. 2010. Вып. 1) была опубликована статья Джаббара Мамедова «О некоторых спорных вопросах относительно родины и национальности Низами Гянджеви». Статья предоставляет хорошую возможность оценить аргументы сторонников считать поэта Низами Гянджеви азербайджанцем и представителем азербайджанской литературы. Логика рассуждений Мамедова следующая:

1. Низами был родом из Гянджи; версия о том, что он из Кума, обусловлена поздней вставкой в стихи.
2. Население Азербайджана, а значит и Гянджи, с начала I тыс. до н.э. было тюркоязычным.
3. Низами в своих стихах сам признавался, что он тюрк.
4. Низами не имеет отношения к Ирану.

Из этого всего Мамедов делает однозначный вывод о том, что Низами был этническим азербайджанцем и представителем азербайджанской поэзии.

Авторитет вестника Санкт-Петербургского университета, в котором печатались Б. Пиотровский, М. Боголюбов, Д. Ольдерогге и другие выдающиеся востоковеды, предполагает, что доказательства приведены корректно и опираются на релевантные источники, но в действительности уровень аргументов не выдерживает никакой критики. Например, рассматривая население Гянджи во времена Низами, Мамедов с самого начала допускает грубейшую ошибку, поскольку записывает киммерийцев, скифов и саков в тюркоязычные народы: «Тюркоязычные народы — киммерийцы (VIII–VII вв. до н.э.), скифы (VIII–VI вв. до н.э.), саки (до I тыс. до н.э.), а потом хазары (IV–X вв. н.э.) — издавна жили на территории Азербайджана». Несомненно тюрками являлись только хазары, но территория их расселения захватывала лишь неболь-

* Рубрика призвана заложить традицию проведения научных обсуждений ранее опубликованных в журнале статей. Редакционная коллегия серии считает необходимым и чрезвычайно полезным предоставить возможность всем желающим высказать свое мнение по поводу тех или иных спорных вопросов.

© В. В. Гомоз, 2011

шую часть современной Азербайджанской республики — ее приграничные районы, в Гяндже они точно никогда не жили. После такой базовой посылки можно с чистой совестью игнорировать дальнейшее развитие логики Мамедова об этническом составе населения региона, но несколько красноречивых моментов нельзя не отметить. Для доказательства присутствия тюрков в регионе автор ссылается на армянских историков Фавстоса Бузанда («История Армении») и Гевонда («История халифов»), однако отправляет читателя не к публикациям их трудов, а к статье Ш. Мингазова «О появлении тюркоязычных народов на Днепре» в газете «Татарские новости». Ссылаясь на историка X в. Ибн Джарир ат-Табари, Мамедов приводит ссылку не на труды ат-Табари, а на размещенный на сайте «Проза.ру» текст, цитирующий неуказанное произведение ат-Табари. Вывод можно сделать только один: доктор исторических наук Мамедов не имеет представления о том, что такое корректные ссылки на источники, он «гуглил» нужные ему словосочетания в Интернете.

Объясняя отсутствие на Западе упоминаний о том, что Низами именно азербайджанский поэт, Мамедов ссылается на незнание западными учеными «открытия Бертельса»: Низами родился не в Куме, а в Гяндже. Действительно, отец Низами с некоторой долей вероятности мог происходить из Кума, сам же Низами совершенно определенно родился в Гяндже. Однако сегодня этот вопрос, вопреки утверждению автора, ни в малейшей степени не является «спорным». Достаточно открыть хотя бы Британику (которая есть в списке литературы статьи Мамедова), чтобы убедиться: там нет ни слова о Куме, а местом рождения поэта указана именно Гянджа. Второй причиной общепринятой характеристики Низами как персидского поэта, согласно Мамедову, является то, что энциклопедия Брокгауза и Ефрона назвала Низами персидским поэтом и кумским уроженцем. К сожалению, Мамедовым не приведена ни одна публикация по персидской поэзии, ссылающаяся на энциклопедию Брокгауза и Ефрона как на высший авторитет, поэтому мы лишены возможности оценить глубину этого аргумента. Очевидно, цель автора — вовсе не научный разбор вопроса о степени достоверности «кумской версии» (иначе зачем привлекать в качестве «научного авторитета» советскую писательницу Мариэтту Шагинян, вклад которой в низамиведение состоял только в том, что она переводила Низами с подстрочника). Ему просто нужно внушить читателю, что Низами родился на территории современного Азербайджана¹, из чего по логике автора следует вывод, будто Низами был национальным азербайджанским поэтом. Разумеется, чтобы сделать такой вывод, мало доказать территориальную принадлежность Низами Азербайджану — необходимо постулировать для XII в. «азербайджанскую нацию», к которой мог бы быть приписан Низами. Автор решает эту задачу весьма оригинально: он просто утверждает, что это так, поскольку так оно и было на самом деле. Например, согласно Мамедову, «весь период своей истории Гянджа последовательно входила в состав разных азербайджанских государств: в государство Гамир — созданного тюркоязычными киммерийцами, Ишгуз — созданного тюркоязычными скифами, Сакасена — созданного тюрками-саками, Албанию — созданного тюрками-албанами». Ошибка тут не только в причислении киммерийцев, скифов и албанцев к тюркам, но и в том, что Гянджа,

¹ Во времена Низами Азербайджаном называлась провинция Адурбадган, расположенная на севере Ирана. Сам Низами жил на территории средневековой провинции Арран. Сегодняшняя Республика Азербайджан расположена в основном на территории Аррана и провинции Ширван и свое название получила только в XX в.

оказывается, входила в состав государств середины I тыс. до н.э. — за полторы тысячи лет до своего основания арабами в IX в. н.э.

Мы перечислили только часть утверждений Мамедова, плохо согласующихся со школьными учебниками истории и арифметики. Резюмируя, можно сказать, что статья Мамедова не соответствует критериям научной публикации, представляет собой собрание нелепостей и интересна исключительно в качестве примера уровня аргументации сторонников азербайджанской версии идентичности Низами. О том, как и почему Низами из персидского поэта стал азербайджанским и как это обосновывалось, стоит поговорить особо. Ключевым для понимания этого процесса является поддерживаемая Мамедовым концепция некоей «вечной» азербайджанской нации, о которой нужно сказать несколько слов.

Этногенез азербайджанцев и население Закавказья

К XI в. лезгиноязычное население Кавказской Албании — так в античности называлась территория нынешнего Азербайджана — было ассимилировано либо персами, либо армянами, за исключением нескольких племен, сохранивших албанские языки [1, с. 250, 514]. Общепринятая точка зрения исторической науки заключается в том, что массовое заселение тюрками Закавказья началось в XI в. во время сельджукского нашествия. Следующая волна миграции тюркских племен пришла на монгольское завоевание в XIII в. Предпосылки для формирования собственно азербайджанского этноса возникли в XIII в. (некоторые исследователи видят начало этого процесса в XI в.) при постепенной ассимиляции тюрками местного населения, само же формирование завершилось в XVI в. во времена Сефевидов, когда тюркоязычное мусульманское население территории Азербайджана (в том числе и иранского) стало исповедовать шиизм. Тем не менее у этой этнической группы отсутствовало национальное самосознание, которое появилось только в конце XIX — начале XX в. [2; 3, с. 105–107]. Политически азербайджанская нация оформилась уже в СССР.

Что касается Гянджи, то согласно армянскому историку XIII в. Киракосу Гандзакеци к моменту монгольского нашествия в 1235 г. город был населен персами и христианским (армянским) меньшинством². Анализ обнаруженной в 1932 г. персидской антологии XIII в. Ноузхат аль-Маджāлес (نزهة المجالس), в которой в числе 115 персидских поэтов, творивших в XI–XII вв., представлены 24 гянджинских поэта, показывает, что Гянджа тогда находилась под влиянием персидской культуры [5]. Вероятно, во время Низами в Гяндже жило какое-то количество тюрков, представлявших интересы владевших регионом Ильдегизидов или начинающих проникать в города представителей кочевых племен, но упоминания о них в первоисточниках отсутствуют, в то время как повсеместное присутствие персов и персидской культуры отмечают все первоисточники и современные исследователи. Так, крупный ориенталист Питер Челковски называет Гянджу времен Низами аванпостом персидской культуры в регионе [6, с. 1–2]. Стоит ли говорить, что никаких азербайджанских государств на территории Закавказья в XII в. не могло и быть.

² «Этот многолюдный город был полон персов, а христиан там было мало <...> Внезапно [на город] напали татарские войска...» [4, с. 154]. Под татарами армянские историки понимали монголов. Характеризуя население Гянджи, Гандзакеци употребляет термин «парсик» — перс, а не «тачик», которым армяне называли мусульман, арабов и тюрков.

В соответствии с национальной концепцией СССР титульные нации союзных республик должны были иметь равноценные культурные традиции и национальную историю, которые, если таковые отсутствовали, должны были быть изобретены [7, с. 335]. В 1936 г. Азербайджан получил статус союзной республики, и немедленно после этого началось конструирование «советской азербайджанской нации», а с ней и советского азербайджанского национализма. Первым видимым проявлением этого процесса стало появление в паспортах национальности «азербайджанец». Вторым — учреждение официального культа «великого азербайджанского поэта Низами», окруженного целым пантеоном «младших богов» — персидских поэта Хагани Ширвани, поэтессы Мехсети Гянджеви и других, вплоть до лидера антиарабского восстания в Иранском Азербайджане Бабека (Папака), который, вопреки явно иранскому национальному характеру его движения, был провозглашен героем азербайджанского народа [8]. Аналогичная судьба постигла средневековых армянских мыслителей, таких как Мхитар Гош и Мовсес Каганкатвази, которые были записаны в кавказские албаны, а следовательно, по логике авторов национальной концепции, и в азербайджанцы. Происходила, по выражению В. Шнирельмана, «ускоренная азербайджанизация» всех деятелей, так или иначе связанных с территорией Азербайджанской ССР, а после 1941 г. (когда советскими войсками был оккупирован Северный Иран) и Иранского Азербайджана [3, с. 132–147].

При конструировании азербайджанского национального мифа, как и в других аналогичных случаях (например, в новых республиках Средней Азии), использовался территориальный принцип: все факты истории и культуры, связанные с территорией будущей Азербайджанской ССР, а затем и Иранского Азербайджана, автоматически приписывались некоему «азербайджанскому народу», к которому таким образом были отнесены ираноязычные мидийцы, лезгиноязычные кавказские албаны и т. п. При этом этническая характеристика этого народа благоразумно не уточнялась. Таким путем очень быстро дошли до того, что начали выводить азербайджанскую литературу из мидийских преданий, записанных Геродотом, и из «Авесты» (именно их называет первыми произведениями азербайджанской литературы 2-е издание БСЭ, а за ней другие энциклопедии и многочисленные труды, изданные в СССР и Азербайджане³). Позже территориальный принцип был творчески развит в территориально-этнический. В опубликованной в 2009 г. книге «Фольклор и литературные памятники Азербайджана» составитель Багиров так определяет критерии принадлежности к азербайджанской литературе: «...при исследовании азербайджанской литературы возникает необходимость применения двух принципов, учитывающих два фактора, — территориального и этнического» [10, с. 14]. Согласно этой концепции персидский поэт Низами является азербайджанским по территориальному принципу, а родившийся в Багдаде Физули — азербайджанец уже по этническому признаку (весьма произвольно записанный в азербайджанцы представитель кочующего от Туркмении до Ирака тюркского племени баят).

Однако даже такого подхода оказалось мало для наступившей в конце XX в. эпохи этнонационалистического дискурса. Он требовал немедленной «тюркизации» всей

³ См., например: [9]. В современной России эта точка зрения отражена, например, в сетевой энциклопедии «Кругосвет» (статья «Азербайджанская литература», автор Чингиз Гусейнов). В БРЭ тот же Чингиз Гусейнов более осторожен, выводя азербайджанскую литературу с X в., однако находя азербайджанцев среди багдадских поэтов X–XI вв. Последняя книга на эту тему — «Фольклор и литературные памятники Азербайджана» [10].

наличной «национальной истории», придания вневременному «азербайджанскому народу» и соответственно «древней азербайджанской культуре» ярко выраженной тюркской идентичности. И такая «тюркизация» была с успехом проведена [3, с. 165–181]. Ее плоды мы и наблюдаем в статье Джаббара Мамедова. Автор безоговорочно записывает в тюрки все народы, населявшие когда-либо территорию современного Азербайджана, и объявляет «национальными азербайджанскими государствами» все государственные образования, когда-либо на этой территории существовавшие. Мы узнаем, что государства киммерийцев, скифов и «тюрок-албанов» были «азербайджанскими государствами». При этом современный Азербайджан объявляется наследником средневековых государств Саджидов, Саларидов, Ильдегизидов, Ак-Кюнлу, Кара-Кюнлу и Сефевидов. Основание — все эти династии были якобы тюркскими. И дело здесь не только в том, что Саджиды и Салариды были иранцами, а Ильдегизиды, хотя и тюрки, но кипчаки по происхождению, не имели отношения к предкам азербайджанцев огузам, но и в попытках исторически легитимизировать молодое современное государство через разыскания этнического происхождения династий, правивших когда-то на данных территориях, хотя этническое происхождение правителя само по себе ни о чем не говорит: Англия при королях-анжуйцах и Киликийская Армения при Лузиньянах не были французскими национальными государствами, Испания и Швеция при правящих династиях французского происхождения не являются французскими в наше время.

Процесс азербайджанизации Низами⁴

До конца 1930-х гг. взгляд ученых на Низами был совершенно определенным: Низами считался персом родом из Кума и одним из классиков персидской поэзии. Правда, первые «татарские» (азербайджанские) интеллигенты предпочитали, судя по всему, видеть в своем земляке Низами и соплеменника-«татарина». Смутно представляя себе этническую историю региона, они при этом экстраполировали в Средневековье современную им этническую и культурную ситуацию и считали, что Низами — один из многочисленных (в Новое время) этнически тюркских авторов, писавших на персидском языке. Так, в 1903 г. азербайджанский просветитель Феридун-бек Кочарлинский назвал его «татаринном из Елизаветполя» (тогдашнее название Гянджи). Как отмечено у А. Крымского, он опирался при этом на «дилетантское соображение» европейского исследователя Шера о том, что мать Низами была гянджинской тюрчанкой, вопреки свидетельству самого поэта, что его мать курдского происхождения [14, с. 94]. Тем не менее Кочарлинский не включал Низами в азербайджанскую литературу — под таковой понималась тогда только литература на тюркском азербайджанском языке⁵.

В конце 1930-х гг. в СССР готовилась серия юбилеев: в России — 750-летие «Слова о полку Игореве», в Армении — 1000-летие эпоса «Давид Сасунский», в Грузии — 750-летие поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Для поддержания статуса равноправной в культурном отношении республики Азербайджану требовался сопоставимый юби-

⁴ Здесь мы в основном следуем схеме, описанной у Коларца [11] и в двух работах Тамазишвили [12; 13].

⁵ Кочарлинский начинает историю «татарской литературы» от Вагифа (XVIII в.), ссылаясь при этом на общераспространенное мнение [15, с. 15].

лей. Тогдашним руководителем Азербайджана Багировым было принято решение провести юбилей Низами, однако для этого его сначала надо было сделать азербайджанцем. Низами родился на территории Азербайджана и к тому же был не очень популярен в Иране, что делало его удобной кандидатурой на «экспроприацию»⁶. В запланированную к 1939 г. «Антологию азербайджанской поэзии» [17] стихи Низами первоначально включать не собирались, однако 1 августа 1937 г. газета «Бакинский рабочий» опубликовала заметку, согласно которой в антологию вошли стихи Низами, вопреки всем усилиям «врагов народа», которые «сделали все, чтобы антология выглядела возможно более тощей и хилой».

В Азербайджане понимали, что такая политическая кампания выходила за рамки компетенции азербайджанских властей, которых к тому же могли обвинить в национализме. Для реализации этого проекта были привлечены ленинградские востоковеды во главе с Бертельсом, который 3 февраля 1939 г. опубликовал в Правде статью «Гениальный азербайджанский поэт Низами» [18]. Окончательную точку в вопросе поставил Сталин, заявив в беседе с Александром Фадеевым и Петром Павленко о тюркской самоидентификации в стихах Низами [19]. Желающих оспорить столь «авторитетное» мнение в СССР, естественно, не нашлось. Заявление Сталина вызвало энтузиазм в Азербайджане, три ведущих поэта которого опубликовали стихотворение, отмечающее роль Сталина в возвращении Азербайджану Низами [20]. Позже в Азербайджане всячески отмечали роль Сталина в «возвращении» Низами⁷, в российских же публикациях эта роль никак не освещалась. Сам Сталин больше не возвращался к этому вопросу [13]. Гипотеза о тюркской идентичности Низами была развита в работах азербайджанских авторов, интерпретировавших восхваления тюрков в стихах Низами как примеры самоидентификации [9, с. 37]. Однако эти конструкции не учитывали образность персидской поэзии, в которой образ тюрка ассоциировался с силой и красотой [21, с. 194]. Аналогичные примеры, в которых Низами восхваляет Иран, сторонниками концепции игнорировались⁸.

Юбилейные торжества 1948 г. окончательно закрепили за Низами славу «главного азербайджанского поэта». В течение примерно десяти лет произведения Низами были в ударном порядке переведены на азербайджанский язык. На месте предполагаемой могилы был сооружен мавзолей, по мотивам Низами создавались художественные и музыкальные произведения. Также благодаря политизированной кампании значительно возросло количество исследований по Низами, а его поэзия получила в СССР широкую популярность. Обратной стороной обоснования азербайджанской идентичности Низами являлось решительное отрицание его связей с иранской культурой, рассматривать Низами как персидского деятеля считалось грубой политической ошибкой⁹.

⁶ Ю. Марр, описывая встречу в 1925 г. в Тегеране с персидскими поэтами, рассказывает, что они критически отзывались о поэтическом даре Низами, не считая его крупным мастером [16, с. 265–266].

⁷ В открытом в 1945 г. музее Низами в Баку в одном из залов слова Сталина о Низами были начертаны золотыми буквами.

⁸ Например место в поэме «Семь красавиц», где Низами пишет «دشابه نیت و تناسلی و تناسلی و تناسلی» (Весь мир — тело, а Иран — сердце <...> А сердце, разумеется, лучше тела).

⁹ В 1939 г. в журнале «Красная новь», возглавляемом Фадеевым, в редакционном комментарии Низами был назван персидским поэтом. Эта «политическая ошибка» вызвала возмущение азербайджанского юбилейного комитета памяти Низами и была отмечена в постановлении ЦК от 20 августа 1939 г., а редакционному комитету пришлось извиняться перед юбилейным комитетом [22, с. 10, 90–91].

После получения Азербайджаном независимости политическая роль идентификации Низами только усилилась. С точки зрения официальной пропаганды Низами занял место в череде героев и деятелей культуры, служащих примером для нынешней молодежи [8]. Вопрос идентичности Низами в Азербайджане политизирован настолько, что иной взгляд на него кроме как на азербайджанца может быть использован для обоснования обвинения в суде по государственным преступлениям¹⁰.

За пределами бывшего СССР принадлежность Низами к персидской культуре и поэзии не вызывает сомнения. Крупнейшие энциклопедии, такие как Британника, Лярусс, Брокгауз, Ираника, гипотезу об азербайджанской идентичности Низами не упоминают. Описание Низами как азербайджанского поэта западными и российскими исследователями характеризуется как политически мотивированная точка зрения (см., например: [24, с. 20; 25; 26; 3, с. 133; 11, с. 245; 13]).

Литература

1. История Востока: в 6 т. М.: Восточная литература, 1995. Т. 2. Восток в средние века.
2. *Баберовски Й.* Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье // Герасимов И. (п.р.). Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 307–352.
3. *Шнирельман В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье М.: Академкнига, 2003.
4. *Гандзакеци Киракос.* История Армении. М.: Наука, 1976. (Памятники письменности Востока. Т. 53).
5. *Riāhi Moḥammad Amin.* NOZHAT AL-MAJĀLES // Encyclopædia Iranica. Версия статьи от 13 сентября 2010 года. URL: <http://www.iranica.com/articles/nozhat-al-majales>
6. *Chelkowski P.* Mirror of the Invisible World. New York: Metropolitan Museum of Art, 1975.
7. *Slezkine Y.* The Soviet Union as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Fitzpatrick S. Stalinism: New Directions. Rewriting Histories. London: Routledge, 2000. P. 313–347.
8. *Румянцев С., Аббасов И.* С кого начинается Родина? Парадоксы формирования национальной идентичности путем апроприации «экстерриториального» национального героя // *Ab imperio.* 2006. № 2. С. 275–321.
9. *Рафили М.* Древняя азербайджанская литература. Баку, 1941.
10. Фольклор и литературные памятники Азербайджана / сост. А. М. Багиров. М.: Художественная литература, 2009.
11. *Kolarz W.* Russia and Her Colonies. Archon Books, 1967.
12. *Тамашишвили А. О.* Послесловие [к публикации доклада Б. Н. Заходера «Е. Э. Бертельс»] // Иранистика в России и иранисты. М., 2001. С. 185–186.
13. *Тамашишвили А. О.* Из истории изучения в СССР творчества Низами Гянджеви: во круг юбилея — Е. Э. Бертельс, И. В. Сталин и другие // Неизвестные страницы отечественного востоковедения: Сборник. М.: Вост. лит., 2004. С. 173–199.
14. *Крымский А. Е.* Низами и его изучение. Элм, 1981.
15. *Кочарлинский Феридун-бек.* Литература азербайджанских татар. Тифлис, 1903.
16. *Март Ю. Н.* Статьи и сообщения. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 2.
17. *Луговской В. А., Вургун С.* (п.р.). Антология азербайджанской поэзии. М.: Художественная литература, 1939.

¹⁰ Такое обвинение предъявлялось во время суда над талышским национальным деятелем Новрузали Мамедовым, которого обвиняли в государственной измене [23].

18. *Бертельс Е.* Гениальный азербайджанский поэт Низами // Правда. 03.02.1939 № 33.
19. Доклад тов. М. Бажана на собрании интеллигенции города Киева 2 апреля 1939 года // Правда. 03.04.1939.
20. *Вургун С., Рза Р., Рустам С.* Письмо бакинской интеллигенции товарищу Сталину // Литературный Азербайджан. Баку, 1939. № 4. С. 3–12.
21. *Schimmel A.* The triumphal sun: a study of the works of Jalāloddin Rumi. SUNY Press, 1993.
22. *Фадеев А.* Письма и документы. М., 2001.
23. Права человека в СНГ и Балтии // Бюллетень. 2008. № 12, февраль. URL: <http://www.hrights.ru/sng/sng-bul12.htm>
24. *Fragner B. G.* Soviet Nationalism: An Ideological Legacy to the Independent Republics of Central Asia // Schendel Z. Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. I. B. Tauris, 2001. P. 13–33.
25. *Møller Peter Ulf.* Writing the History of World Literature in the USSR // Culture & History. 1989. Vol. 5. P. 19–37.
26. *Atkin M.* Soviet and Russian Scholarship on Iran // Iranian Studies. 1987. Vol. 20. No. 2/4. P. 223–271.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.